

12+

МАРК ЗАВЕТОВ

ЧУЖИЕ БОГИ ИСТОКИ

Марк Заветов

Чужие боги: истоки

<https://litres.ru/74340759>

ISBN 9785007096171

Аннотация

«Ветхий Завет — не монолит, спустившийся с небес. Это коралловый риф, веками обраставший новыми смыслами. Книга „Чужие Боги. Истоки“ — взгляд исследователя: археология, текстология, антропология. Почему у Бога была жена? Зачем редакторы сохранили противоречия? Кто и зачем собрал Тору при персидском царе? Ответы, которые возможно покажут другой фокус вашего прочтения Библии».

Содержание

Введение: исследователь	5
Глава 1. До Израиля: фундамент из чужих камней	14
Глава 2. Политеистический Израиль: боги в доме и в тексте	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Чужие боги: истоки

Марк Заветов

«Разлагая Пятикнижие на составные части, библейская критика раскрыла историю развития иудейского мировоззрения. Она не отняла у Библии ни одной по-настоящему ценной идеи, но показала, как эти идеи вызревали в процессе долгой, трудной и подчас кровавой истории»

Протоиерей Александр Мень

© Марк Заветов, 2026

ISBN 978-5-0070-9617-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение: исследователь

1. Аномалия в тексте: геология священного

Что мы видим, открывая книгу Бытия и читая первую главу? Бог (а в оригинале используется имя *Элохим*) творит мир за шесть дней в строгом, почти архитектурном порядке. Свет отделяется от тьмы, воды от суши. Мужчина и женщина созданы почти одновременно, в самом конце, как абсолютный венец сакрального космоса. Всё логично, величественно и системно.

Но стоит перевернуть страницу и прочесть вторую главу, как творение начинается заново, причем логика процесса совершенно иная. Мир еще не укрыт растительностью, потому что «не посылал Господь дождя на землю». Бог (теперь носящий имя *Яхве Элохим*) не повелевает стихиям из космической выси. Он наклоняется к праху, лепит человека, как гончар, вдыхает ему в ноздри дыхание жизни. И только потом создает сад, животных и, наконец, женщину — из ребра мужчины.

Если перед нами диктант единого Автора, зафиксированный без права на ошибку, почему в первых двух главах главной книги человечества записаны две взаимоисключающие космогонии, с разным порядком событий, разной антропологией и разными именами Творца?

Традиционный ответ, который часто звучит в проповедях

богословов: «Это разные ракурсы одной истины, недоступные ограниченному человеческому уму». Ответ, который предлагает современная историческая наука, звучит иначе: «Перед вами текстовая стратиграфия. Две разные традиции, рожденные в разные эпохи, с разными богословскими и политическими задачами, которые поздний редактор бережно сшил вместе, отказавшись уничтожить чужую сакральную память».

Ветхий Завет — это не монолит, спустившийся с небес в готовом виде. Это многогранный коралловый риф, росший тысячелетиями, слой за слоем, обрастая новыми смыслами в ответ на изменения климата истории: войны, депортации, смену империй и интеллектуальные кризисы, сменяющиеся правители. И наша с вами задача — попробовать исследовать эти слои.

2. Кто мы и что мы делаем

Эта книга ни в коей мере не ставит целью доказывать или опровергать существование Бога. У гуманитарной науки нет приборов для измерения божественного присутствия, а у нас нет амбиций играть в судей над чужой верой.

Предлагаю примерить одежду исследователей: исторических филологов, текстологов, антропологов. Вместе мы изучим людей, которые писали, редактировали, прятали и переписывали свитки, чтобы их народ и его идентичность не исчезли с карты мира.

Когда мы говорим о «компиляции» или «эпохальной ре-

дактуре», то не имеем в виду циничную фальсификацию. Древние редакторы не были лжецами. Они были интеллектуалами, стоящими по колено в пепле разрушенных государств и пытавшимися склеить осколки своей культуры в единый кодекс выживания. Ветхий Завет — это гениальный, отчаянный, полный внутренних противоречий компромисс, выкованный в тысячелетних горнилах геополитических и народных катастроф.

Давайте посмотрим на него не через витражи соборов и не через призму школьных учебников, а через взгляд исследователя. Мы попробуем изучить когнитивные и социальные механизмы, которые заставляли древних авторов оставлять в тексте «швы» вместо того, чтобы их прятать.

3. Четыре интеллектуальных парадокса

Чтобы вы понимали, с каким материалом нам предстоит работать, выделим четыре исторических парадокса. Они заставляют ортодоксов нервничать, а историков — восхищаться сложностью древнего мышления. Мы будем не просто констатировать факты, а искать механику мысли.

Парадокс №1: У Бога была жена? В 1970-х годах археологи нашли в пустыне осколки глиняных сосудов VIII века до н.э. с надписями: «*Я благословляю вас Яхве и его Ашерой*». Ашера — ханаанская богиня плодородия, супруга верховного бога. Получается, обычные израильтяне поклонялись Яхве в паре с богиней? И почему пророки так яростно с этим боролись? Попробуем разберать спектр научных тол-

кований и проследим, как из домашнего, бытового политеизма рождался жесткий, бескомпромиссный монотеизм иудаизма.

Парадокс №2: Персидский имперский грант. Тора (Пятикнижие) — главный закон, данный Моисею на Синае? А что, если мы допустим гипотезу, что финальная сборка этого закона была профинансирована и утверждена персидским царем Артаксерксом в V веке до н.э.? В книге Ездры сохранился официальный имперский указ, дающий еврейскому писцу карт-бланш и бюджет на сборку «закона Бога небесного». Персам была нужна лояльная провинция с единым сводом законов. Тора стала уникальной конституцией, одобренной имперским центром. Как же локальная традиция стала имперским правом?

Парадокс №3: Полемика, а не плагиат. Все знают, что библейский Потоп структурно совпадает с «Эпосом о Гильгамеше». Но если присмотреться, библейский автор не просто копирует сюжет, а ведет ожесточенную идеологическую войну. В вавилонской мифе боги посылают потоп, потому что люди слишком шумно кричат и мешают им спать. В Библии, потому что земля наполнилась насилием и несправедливостью. Это не плагиат, а культурный взлом. Автор берет чужой код и наполняет его радикально новой этикой.

Парадокс №4: Приказ, которого не выполняли. Книга Иисуса Навина описывает *херем* — тотальное уничтожение ханаанских городов. Звучит как трагический историче-

ский репортаж. Но археология показывает: массовых разрушений в этот период не было. Иерихон во времена Иисуса Навина уже лежал в руинах. Значит, это выдумка? Да, но не ложь. Это «исторический роман», написанный спустя столетия, чтобы сплотить народ перед лицом новой ассимиляции. Жестокость текста была риторической, а не фактической. Но зачем тексту нужна была эта суровая риторика?

4. Методологический подход: как читать эту книгу?

Чтение этой книги, возможно, потребует от вас определенной интеллектуальной гибкости. Чтобы избежать когнитивного диссонанса, давайте определим условия нашего читательского контракта.

Правило №1: Разделяйте химию краски и улыбку Джоконды. Когда реставратор выясняет, что Мона Лиза написана с использованием токсичных свинцовых белил, а фон дописан учеником Леонардо, картина не перестает быть шедевром. Когда мы показываем, что текст Второзакония был написан в VII веке до н.э. группой иерусалимских левитов для централизации власти, это не отменяет его духовной глубины для верующего. Будем рассматривать «химию краски» — человеческие, социальные и политические механизмы создания текста. Духовный смысл рождается в момент чтения, а не в момент черновой редакторской правки. *История создания текста не равна статусу его великой истины.*

Правило №2: Древний мозг работает иначе. Современный человек требует логической непротиворечивости.

Если есть два противоречащих факта, один должен быть ложным. Древний ближневосточный редактор мыслил агрегативно. Для него сохранение двух противоречащих версий одного мифа означало проявить уважение к обеим традициям предков. Противоречие в Библии — это часто не ошибка, а намеренная примиряющая полифония. Поэтому мы будем учиться читать эти швы не как брак, а как признак уважения к сакральной памяти.

Правило №3: Эпоха, а не Вера. Мы взглянем на тексты как на артефакт истории идей. Любое упоминание Бога, ангелов или чудес в этой книге — это либо цитирование источника, либо описание верований древних людей, либо анализ литературных приемов. Мы не будем утверждать или отрицать реальности божественного. Кто мы такие, чтобы выносить подобные оценки? Как исследователи, мы оставляем этот вопрос за скобками, потому что у науки нет пока инструментов для его измерения.

5. Словарь исследователя

Библеистика полна терминов, которые в обыденной речи звучат почти как оскорбление. Чтобы избежать недопонимания, давайте договоримся о значении четырех ключевых слов. В этой книге они используются исключительно в техническом, нейтральном смысле:

— **Миф.** В быту это часто синоним лжи. В антропологии миф — это фундаментальный нарратив, объясняющий устройство реальности. Миф не обязан быть историческим

фактом; его задача — задать координаты мира.

— **Заимствование** не кража. Древний Восток был единым культурным пространством, объединяющим много различных культур. Заимствование — это культурный перевод: взять узнаваемый сюжет и наполнить его необходимым смыслом, присущим данной традиции.

— **Редактура** не фальсификация, а скорее актуализация в конкретный момент развития цивилизации. Текст считался священным, но жизнь менялась. Задача редактора была не в том, чтобы отменить старое, а в том, чтобы встроить его в новый контекст.

— **Противоречие.** Для современного ума, привыкшего к бинарным ответам и прагматике, это сегодня выглядит как ошибка. Для древнего сознания это способ сохранения древних традиций.

Все сложные термины, важные даты будут приведены в конце книги, чтобы исследователю было проще понимать используемые конструкции.

6. Мета-слой: не мы первые

Наш подход совсем не новость. Попытки читать Библию как исторический документ имеют свою драматичную историю:

— **XVII век:** Барух Спиноза и Томас Гоббс первыми публично заметили, что Пятикнижие не могло быть написано Моисеем, хотя бы потому, что там описывается его смерть. Были и более ранние исследователи.

— **XIX век:** Юлиус Велльхаузен совершил прорыв, предложив Документарную гипотезу. Он показал, что Тора сшита из нескольких источников, отражающих интересы разных группировок. Текст был препарирован.

— **XX век:** Археологический шок. Раскопки в Угарите, Вавилоне, открытие свитков Мертвого моря и Элефантинских папирусов. Текст столкнулся с землей. Выяснилось, что древние израильтяне были гораздо больше похожи на своих языческих соседей, чем описывали поздние редакторы.

— **XXI век:** Цифровая и когнитивная эра. Компьютерная стилометрия позволяет с высочайшей точностью определять смену авторов внутри одной главы, а когнитивная наука объясняет, почему наш мозг вообще склонен создавать и сохранять противоречивые сакральные нарративы.

Наша задача — постараться перевести их открытия с языка сухой академической критики на язык антропологии современного человеческого мышления.

Дисклеймер: юридическая и этическая броня

Данная книга является научно-популярным историко-филологическим, антропологическим и текстологическим исследованием, не направленна на пропаганду или оскорбление чьей-либо веры. Она опирается на методы академической библеистики, археологии и истории древнего мира.

Приведенные в работе материалы не ставят своей це-

люю оценку, утверждение или отрицание каких-либо религиозных убеждений, догматов или конфессиональных традиций. Книга не является богословским трудом и не претендует на выражение божественной истины или, напротив, на ее опровержение.

Все упоминания Бога, божественных сущностей, чудес и откровений в тексте книги носят исключительно описательный характер на основе существующих исторических источников. Они отражают верования, литературные приемы и теологические концепции исторических персонажей и авторов изучаемых текстов, а не личные убеждения автора данной книги.

Автор с глубоким уважением относится к чувствам верующих людей всех конфессий. Цель этой работы — не разрушить сакральное, а показать удивительную, сложную и не всегда достоверную человеческую историю, стоящую за созданием величайшего памятника мировой культуры и закона Ветхого Завета.

Фокус настроен. Правила исследователя определены.

А теперь давайте отправимся на Ближний Восток. Туда, где за две тысячи лет до нашей эры, в пыли городов, под палящим солнцем, среди шумных базаров, дворцовых интриг и грохота рушащихся империй, чужие боги начинали превращаться в фундамент для книги, которая в итоге завоюет мир и будет править четыре тысячелетия...

Глава 1. До Израиля: фундамент из чужих камней

«Ни один текст не рождается в вакууме. Даже если его диктуют с небес, записывают его люди, чей словарный запас, метафоры и юридические формулы принадлежат земле, на которой они стоят».

Представьте себе изолированную лабораторию, где ученые пытаются создать абсолютно новый язык, не используя ни одного слова из существующих. Это практически невозможно. Наш мозг не умеет творить из ничего; он умеет только комбинировать, трансформировать и переосмысливать то, что уже есть или испытал.

То же самое касается священных текстов. Долгое время популярная теология и школьные учебники рисовали древний Израиль как стерильный заповедник, окруженный стеной от языческого мира. Считалось, что пока вокруг процветали идолопоклонство и кровавые ритуалы, израильтяне жили в изоляции, бережно храня чистое откровение.

Современная археология и филология постепенно разрушили эту иллюзию. Израиль не был изолирован. Он находился на оживленном перекрестке древнего мира — в Леванте, между молотом месопотамских империй и наковаль-

ней египетских фараонов. Через их земли проходили торговые караваны, армии завоевателей и, что самое важное, тексты и верования разных народов.

В этой главе мы не будем искать «плагиат». Плагиат — это современное понятие, связанное с авторским правом и интеллектуальной собственностью. В древности не было копирайта. Был многонациональный культурный код. Как библейские авторы интегрировали чужие концепции — египетскую этику, вавилонскую космологию, хеттскую юриспруденцию, и подвергали их радикальной трансформации? Они не копировали, вели интеллектуальную войну, взламывая чужие смыслы и наполняя их своим, принципиально новым содержанием.

Добро пожаловать в матрицу Ветхого Завета.

1.1. Египет: Маат, Эхнатон и тень Десятисловия

Начнем с самого очевидного и самого неудобного совпадения. Откройте 125-ю главу египетской «Книги мёртвых». В ней описывается суд Осириса, где умерший должен произнести: «Исповедь отрицания» — список из 42 грехов, которых он не совершал.

Послушайте, как звучат эти строки, записанные за тысячу лет до Синайского откровения:

- *«Я не чинил насилия».*
- *«Я не крал».*
- *«Я не убивал».*

— «Я не прелюбодействовал».

— «Я не лжесвидетельствовал».

Звучит до боли знакомо, не так ли? Десять заповедей из книги Исход структурно и тематически перекликаются с египетской «Исповедью 42». Означает ли это, что Моисей просто переписал египетский текст?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно понять разницу между структурой и функцией.

Египетская Маат — это концепция космического порядка, истины и справедливости. «Исповедь отрицания» была магическим заклинанием. Египтянин произносил её не для того, чтобы изменить свое поведение при жизни, а чтобы пройти технический контроль на посмертном суде. Как личный пропуск в загробный мир, где сердце умершего взвешивалось на весах против пера Маат. Этика здесь подчинена магии и посмертной бюрократии. Кстати, этот момент еще перекликается с теософией Блаватской и Хрониками Акаши, где сама душа оценивает прожитую жизнь.

Библейский перечень заповедей выполняет совершенно иную функцию. Это не магическая формула для загробного суда (в раннем Израиле концепции загробного воздаяния почти не было). Это **конституция живого сообщества**. Заповеди даны не для того, чтобы человек хорошо умер, а чтобы народ выжил в пустыне и построил управляемое общество.

Библейский автор берет узнаваемую ближневосточную форму и радикально меняет её вектор: от посмертной магии

к социальной этике. Бог Израиля не взвешивает сердце на весах после смерти; Он требует справедливости здесь и сейчас при жизни, в отношениях между людьми.

Парадокс Эхнатона: почему первый монотеист не оставил следа?

В XIV веке до н.э. египетский фараон Эхнатон совершил революцию. Он запретил культы всех богов, кроме одного — солнечного диска Атона. Это был первый в истории задокументированный монотеизм. Казалось бы, вот он, прямой источник библейского единобожия!

Но современные египтологи и библеисты сходятся во мнении: Эхнатон не повлиял на Израиль. Почему?

— Политический провал. Религия Эхнатона была навязана сверху, имперским указом. После его смерти египтяне немедленно вернулись к старым богам, а имя Эхнатона было вычеркнуто из истории — проклятие памяти. К моменту формирования израильской идентичности атонизм был уже забытым эпизодом человеческой цивилизации.

— Разная природа божества. Атон был безличной космической силой, солнечным светом. Он не говорил с людьми, не заключал договоров, не вмешивался в историю. Яхве же — Бог истории, Бог-личность, который выводит народ из рабства и вступает в диалог.

Израиль взял у Египта не учение о Боге, а этическую матрицу (Маат), переплавив её в инструмент социального выживания.

1.2. Вавилон: архитектура космоса против божественной резни

Если Египет дал Израилю этический каркас, то Месопотамия (Вавилон и Ассирия) предоставила космологический словарь. И здесь исследователи сталкиваются с самым ярким примером культурной полемики в истории литературы.

Вавилонский эпос о сотворении мира, «Энума Элиш» (названный по первым словам: «Когда вверху...»), был не просто мифом. Это был литургический текст, который зачитывался во время Нового года в Вавилоне для легитимизации власти бога Мардука через земного царя.

Сюжет «Энума Элиш» — это триллер о божественной мафии. Молодые боги шумят и мешают спать древним прародителям. Начинается война. Бог Мардук убивает свою праматерь, чудовищную Тиамат (олицетворение соленого океана), разрубает её тело пополам и из одной половины делает небесный свод, а из другой — землю. Из крови убитого бунтовщика Кингу Мардук лепит людей.

А теперь перечитайте первую главу книги Бытия.

Бытие 1 — это не просто другой рассказ. Это прямой, жесткий ответ «Энума Элиш». Библейский автор использует те же образы, но выворачивает их наизнанку, проводя радикальную реформу мышления.

Параметр	«Энума Элиш» (Вавилон)	Бытие 1 (Израиль)	Смысл трансформации
Исходное состояние	Хаос, персонифицированный в монстре Тиамат.	Бездна (Техом – лингвистический родственник Тиамат), безличная вода.	Хаос – не злобный бог, а просто материал. Богу не нужно ни с кем воевать.
Метод творения	Насилие, убийство, расчленение трупов.	Слово («И сказал Бог...»).	Творение – это акт интеллекта и воли, а не кровавая бойня.
Статус человека	Раб. Создан из крови бунтовщика, чтобы «нести бремя богов».	Управитель. Создан по «образу и подобию», чтобы владычествовать над землей.	Колоссальный антропологический сдвиг. Человек – не раб, а вице-регент Творца.
Причина покоя	Боги устали от войны и пируют.	Бог завершил проект и благословил седьмой день.	Суббота – не передышка от усталости, а эстетическое наслаждение гармонией мира.

Это не плагиат, а в современном понимании идеологическая диверсия. Библейский автор берет язык доминирующей культуры (Вавилона) и взламывает его изнутри. Он говорит вавилонянам: *«Ваш космос построен на насилии и страхе. Ваш человек — раб. Наш космос построен на слове и порядке. Наш человек — царь природы. Ваши боги — часть природы и боятся хаоса. Наш Бог — над природой и хаос ему подчинен».*

Для любознательных: почему нет прямых копий? Часто возникает вопрос: как пастухи-кочевники могли полемизировать с вавилонскими жрецами, если свитки «Энума Элиш» хранились в закрытых храмовых библиотеках на клинописных табличках? Ответ кроется в механизме взаим-

ного проникновения культур. Тексты не лежали на полках в супермаркете. Мифы существовали в устной традиции, в виде школьных упражнений, в дипломатической переписке, в опыте Вавилонского плена (VI в. до н.э.), когда иудейская элита оказалась в самом сердце Месопотамии и получила доступ к местным образовательным институтам (как пророк Даниил при дворе Навуходоносора). Заимствование шло не через «ксерокопирование» табличек, а через культурный осмос элит.

1.3. Хетты: политический договор, ставший религией

Если Вавилон дал Израилю космологию, то Хеттское царство (располагавшееся на территории современной Турции) предоставило юридическую форму для самого главного понятия Библии — Завета (по-еврейски *Берит*).

До середины XX века ученые не могли понять, почему библейский Завет между Богом и Израилем структурирован именно так, а не иначе. Ответ нашел американский исследователь Джордж Менденхолл в 1950-х годах, сопоставив библейские тексты с хеттскими дипломатическими архивами.

Оказалось, что структура Второзакония (и отчасти Исход 20) один в один повторяет форму хеттских сюзеренных договоров XIV—XIII веков до н. э. Это были соглашения, которые Великий царь (сюзерен) навязывал побежденному вассалу.

Посмотрите на эту скелетную структуру:

— Прецедент: «Так говорит Великий царь Хеттов, Сын Солнца...»

— Исторический пролог: «Я спас твой народ, когда ты был слаб...» (Напоминание о благодеяниях).

— Условия: «Ты не должен иметь других союзников. Ты платишь дань...»

— Депозиция и чтение: «Договор хранится в храме и читается вслух раз в год».

— Свидетели: «Боги, горы и реки свидетельствуют».

— Благословения и проклятия: «Если нарушишь — будешь проклят, если исполнишь — процветешь».

А теперь откройте книгу Второзакония. *«Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской...»* (Прецедент и пролог). *«Да не будет у тебя других богов...»* (Условия). *«Положите слова сии в ковчег...»* (Депозиция). *«Призываю во свидетели небо и землю...»* (Свидетели). И огромные главы 27—28 с детальными проклятиями и благословениями.

Зачем библейским авторам понадобилась такая форма политического договора?

Они по задаче правителей сделали гениальную теологическую адаптацию. В древнем мире боги были частью природы, а цари — частью политики. Израильские мыслители совершили прорыв: они перенесли категорию политической лояльности в сферу религиозного культа.

Яхве представлен не как сила природы, которой нужно принести в жертву быка, чтобы пошел дождь. Яхве — это Великий Царь (Сюзерен), который заключает с народом единый юридический контракт. Религия перестает быть набором магических ритуалов по умилоствлению стихий. Религия становится историей взаимных обязательств.

Бог обязуется защищать и давать землю. Народ обязуется хранить верность и соблюдать социальную справедливость. Если народ нарушает договор (особенно в части заботы о вдовах, сиротах и чужеземцах), Сюзерен имеет юридическое право расторгнуть контракт и наложить санкции (проклятия, изгнание, уничтожение).

Это была революция. Взяв сухой бюрократический бланк хеттских дипломатов, Израиль создал концепцию моральной истории, где судьба нации зависит не от капризов богов, а от этического поведения общества.

1.4. Потоп: когда боги не могли уснуть

Ни один библейский сюжет не вызывал таких ожесточенных споров в XIX и XX веках, как история о Ноевом ковчеге. Когда в 1872 году Джордж Смит расшифровал одиннадцатую таблицу «Эпоса о Гильгамеше» и прочитал вавилонскую версию потопа, мир был шокирован. Совпадения были слишком детальными: праведник получает предупреждение, строит корабль, берет животных, выпускает голубя и ворона, приносит жертву после высадки.

В научной среде вспыхнул спор о диффузии культур. Панафинисты кричали, что Библия — это просто вторичная компиляция. Защитники традиционного взгляда пытались доказать, что оба текста описывают реальное историческое событие, просто с разных ракурсов.

Сегодня, спустя полтора века, мы понимаем, что обе крайности ошибались. Библейский автор не копировал Гильгамеша. Он вел ожесточенную этическую полемику. Чтобы это увидеть, нужно сравнить не сюжет (он был общим культурным достоянием, как сегодня сюжет о Золушке), а мотивацию богов.

Вавилонская версия (Эпос о Гильгамеше и миф об Атрахасисе): почему боги решили уничтожить человечество? В «Атрахасисе» причина звучит почти комично: люди расплодились и «слишком сильно шумят». Плач младенцев и городской гам мешают верховному богу Энлилю спать. *«Страна зашумела, как ревущий бык, / Бог услышал шум их, / Услышал крик их... / Сон его был нарушен»*. Потоп здесь не моральный суд. Это раздраженный сосед, вызывающий полицию (или, в данном случае, стихийное бедствие), потому что ему мешают отдохнуть.

А что происходит после потопа? Боги, которые несколько дней не ели, слетаются на жертвоприношение Утнапиштима «как мухи», потому что они голодны. Они зависят от людей.

Библейская версия (Бытие 6—9): Почему Яхве посылает потоп? *«Земля наполнилась злодеяниями (хамас) ... ибо вся-*

кая плоть извратила путь свой». Шум сменяется моральной коррупцией. Бог Израиля не теряет сон из-за детского плача; Он не может терпеть социальную несправедливость и насилие. Потоп становится актом этического очищения, а не санитарной зачисткой от шума.

И когда Ной приносит жертву, Яхве не слетается на запах мяса, как голодная муха. Он *«обоняет благоухание»* и принимает моральное решение больше никогда не проклинать землю. Бог не нуждается в еде; Ему важен жест благодарности и раскаяния.

Так откуда взялся общий сюжет? Современные геологи и археологи подтверждают, что в Месопотамии регулярно случались катастрофические локальные наводнения (например, раскопки Леонарда Вулли в Уре в 1920-х годах выявили многометровый слой ила, прерывающий культурные слои). Память о реальной региональной катастрофе, уничтожившей известный людям мир, стала метафорой для всего Древнего Востока. Израиль не «украл» историю. Он взял общую культурную травму человечества и превратил её из сказки о капризных богах в притчу о моральной ответственности человека перед Творцом. А сам миф о потопе стал «международным бестселлером», упоминавшийся в разные времена во многих мифах и верованиях. И каждый народ перерабатывал его под свою идеологию.

1.5. Шумеры: человек в корзине

Если космология Вавилона стала для Библии полем идеологической битвы, то литература Месопотамии подарила ей готовый сюжетный каркас. Древний Израиль не изобретал свои истории с чистого листа. Он брал знакомые, «вирусные» нарративы бронзового века и переплавлял их в новую этику. Чтобы увидеть этот процесс, достаточно внимательно посмотреть на два самых узнаваемых мотива: катастрофический потоп и спасённого младенца.

Саргон Аккадский и Моисей: легенда о рождении героя. Есть и второй, не менее яркий пример «кочевого» сюжета. Откройте книгу Исход, глава 2. Мать Моисея кладёт младенца в осмоленную корзину и пускает по Нилу. Ребёнка находит дочь фараона, он вырастает при дворе и становится спасителем народа. Звучит как уникальная библейская история? Откройте шумерскую «Легенду о царе Саргоне» (XXIV в. до н.э.). Саргон Аккадский, создатель первой империи в истории, о своём рождении пишет так:

«Мать моя... родила меня в тайне. Она положила меня в корзину из тростника, залила стыки смолой и пустила по реке. Реку вынесла меня к водоносу Акки, который вытащил меня... И боги даровали мне царство».

Совпадение? Нет. Это общепризнанный литературный топос «подкинутого и спасённого героя». Он встречается у Саргона, у Моисея, позже — у Ромула и Рема, у Кира Великого, даже у младенца Иисуса, спрятанного от Ирода. Зачем древним авторам этот сюжет? Чтобы легитимизировать ли-

дера. Если герой выжил вопреки воле тирана и стихий, значит, его хранит высшая сила. Его скромное, «подпольное» происхождение не минус, а знак божественного промысла.

Израиль взял эту матрицу, но сместил акцент. У Саргона спасение ведёт к имперской власти и подавлению. У Моисея — к освобождению рабов и разрыву с империей. Месопотамский сюжет о выживании избранника становится библейским сюжетом о выборе угнетённых, что также было использовано как собственный римейк в Древней Индии, Персии, Финикии.

1.6. Кодекс Хаммурапи и Книга Завета.

Но Вавилон подарил Израилю не только мифы, но и право. Знаменитый Кодекс Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) высечен на базальтовой стеле, где царь получает законы от бога солнечной справедливости Шамаша. Библейская *«Книга Завета»* (Исх 20:22—23:19) структурно и тематически перекликается с ним до деталей. Возьмем принцип возмездия: *«око за око, зуб за зуб»*. Вавилоняне и израильтяне разделяли эту идею, но применяли её по-разному. В Кодексе Хаммурапи размер наказания зависел от социального статуса: если аристократ выколол глаз простолюдину, он платил штраф. Если простолюдин, то терял глаз. В Книге Завета закон обезличен: *«да не будет различия между вами»* (Лев 24:22). Возмездие становится не инструментом классового подавления, а ограничителем кровной мести, гарантией соразмерности.

Еще ярче — казус о выкидыше. У Хаммурапи (законы 209—214) штраф за удар, вызвавший выкидыш, снова зависит от класса женщины (свободная или рабыня). В Исходе 21:22—25 библейский законодатель впервые вводит принцип соразмерности ущерба жизни, стирая сословные границы в оценке человеческой травмы. Закон перестаёт защищать имущество элиты и начинает защищать достоинство человека.

Вопросы для размышления:

В современной науке на них нет однозначных ответов, но сам процесс размышления над ними меняет точку понимания:

— Где проходит граница между адаптацией и потерей идентичности? Если израильтяне взяли у соседей форму договора, структуру этики и сюжет потопа, что именно осталось *уникально их*? Был ли это сам Бог Яхве, или же уникальным был именно *способ* взаимодействия с Ним?

— Почему полемика требует общего языка? Чтобы убедительно возразить оппоненту, нужно говорить на его языке и использовать его образы. Означает ли это, что библейские авторы писали свои тексты не столько для своих (которые и так верили в Яхве), сколько для внешнего мира, пытаясь доказать превосходство своей картины мира?

— Если бы вы были древним редактором... Представьте, что вы в Вавилоне в плену. Вы читаете «Энума Элиш» и ви-

дите, что ваши порабощатели считают людей рабами, созданными из крови бунтовщика. Какую психологическую и социальную функцию выполняла для вас и вашей общины первая глава книги Бытия, утверждающая, что вы — «образ и подобие» Творца? Был ли это просто богословский трактат, или это был акт интеллектуального сопротивления?

Ветхий Завет начинался не в вакууме. Он начинался в шуме чужих империй и вер. Но чтобы этот шум превратился в Слово, народу предстояло пройти через собственный, внутренний кризис.

И этот кризис был гораздо страшнее вавилонского потопа.

Глава 2. Политеистический Израиль: боги в доме и в тексте

«История пишется победителями. Но археология раскрывается проигравшими. И когда лопата археолога ударяется о черепки повседневной жизни, победоносный текст начинает звучать совсем иначе».

Если вы спросите человека, читающего Библию впервые, какова была религия древних израильтян, он, скорее всего, опишет строгий, бескомпромиссный монотеизм. Один Бог, один Храм, один народ, отвергающий идолов. Пророки громко обличают отступников, цари либо «делают угодное Господу», либо впадают в грех идолопоклонства, за что и бывают наказаны.

Эта картина кристально ясна. И она является величайшей ретроспективной иллюзией в истории библеистики того времени в современном разрезе.

Канонический текст Ветхого Завета — это не документальный репортаж о повседневной жизни древнего Израиля. Это нормативный проект, написанный узкой группой иерусалимской элиты, которая боролась за выживание своей теологии и политической программы управления. Текст показывает нам не то, во что **фактически** верило большинство

израильтян в VIII или IX веке до н.э., а то, во что они, по мнению столичных реформаторов, *должны были верить*.

Чтобы увидеть реальную картину, предлагаю прогуляться в пыльные деревни, в горные святилища и в дома простых людей. И то, что мы там найдем, заставит нас, возможно, переосмыслить саму природу библейского единобожия.

2.1. Пантеон во дворе: боги повседневного выживания

Представьте себя в роли путешественника во времени, оказавшегося в израильской деревне периода Первого Храма (скажем, около 800 года до н.э.). Вы стучитесь в дом обычного земледельца. Но не найдете там строгого монотеиста, цитирующего Второзаконие. Вы найдете человека, решающего экзистенциальные задачи выживания себя и своей семьи.

В древнем мире религия была не вопросом абстрактной теологии или посмертной судьбы. Она была технологией выживания. Нужен дождь для урожая? Нужна защита от мора? Нужно, чтобы жена благополучно родила ребенка, а не умерла в родах? Для каждой из этих задач существовал свой специалист — **божество**.

Археологические данные находят практики, которые радикально расходятся с позднейшими нормативными текстами. В каждом доме, в нише у двери или во внутреннем дворе, стояли терафимы — небольшие семейные статуэтки идо-

лов предков или богов-покровителей (вспомните, как Рахиль крадет терафимов у своего отца Лавана в Быт 31, и тот устраивает из-за них грандиозный скандал, ибо они гарантировали права на наследство).

Женщины пекли хлеб и лили вино «Царице Небесной» (Иер 44:19) — образу, в котором слились черты ханаанской Астарты и месопотамской Иштар. И когда пророк Иеремия, живущий уже в эпоху жесткого кризиса, кричит на них, требуя прекратить, женщины дерзко отвечают ему: *«Не послушаем слова твоего... потому что тогда мы были сыты и счастливы, и беды не видели; а как перестали кадить Царице Небесной... терпим недостаток во всем».*

И это не «тайное язычество» или злонамеренное отступничество. Это бытовая, народная религия. Люди не видели противоречия между поклонением национальному Богу-воителю Яхве (который давал победы царю и защищал границы) и почитанием локальных божеств плодородия (Баала, Астарты, Ашеры), которые обеспечивали молоко у коз и пшеницу на поле. То есть политеизм был очень распространен, что плохо сказывалось на управлении народом.

Для древнего израильтянина пантеон был похож на королевский двор: есть верховный царь, но чтобы решить мелкий бытовой вопрос, логичнее обратиться к профильному чиновнику-божеству. Позднейшие редакторы Библии назовут это духовной проституцией. Но для человека Железного века это была прагматичная логика жизни.

2.2. Когда лопата противоречит свитку: Кунтиллет-Аджруд и «Ашера»

Долгое время ученые (вплоть до середины XX века) пытались защитить идею изначального израильского монотеизма. Существование «высот» (*бамот* — локальных алтарей вне Иерусалима) объясняли временной слабостью народа, с которой боролись пророки.

Но в 1970-х годах археология нанесла сокрушительный удар по этой апологетике.

На севере Синая, в местечке Кунтиллет-Аджруд (караван-сарай или «холм колодцев» с арабского), были найдены огромные глиняные сосуды (пифосы) VIII века до н. э. На них были нанесены рисунки и надписи. Одна из них гласила:
«Я благословляю вас Яхве Самарийским и его Ашерой».

Чуть позже, в иудейской гробнице в Хирбет-эль-Ком, была найдена высеченная в камне надпись с почти идентичной формулой:

«Благословен Уриягу Яхве и его Ашерой, от врагов его Он спас его».

Эти находки вызвали шок в академическом мире библеистики. Получалось, что обычные израильтяне, и даже жрецы, обслуживающие путников и паломников, благословляли друг друга именем Яхве в паре с Ашерой.

Сноска исследователя: Многозначность «Ашеры»
Здесь нам нужно проявить максимальную осторожность. Кто

или что такое «Ашера» в этих надписях? Наука предлагает спектр интерпретаций, и ни одна из них не является окончательной догмой:

— Богиня. Ашера — ханаанская богиня-мать, супруга верховного бога Эла. В этом случае Яхве фактически занял место Эла, и народ воспринимал его как имеющего божественную супругу (синкретизм).

— Культовый символ. В Библии слово «ашера» часто пишется со строчной буквы и означает деревянный столб или дерево, посаженное рядом с алтарем. В этом случае надпись означает «Яхве и его культовый символ/святилище».

— Образ. Ашера могла восприниматься не как отдельное божество, а как женская ипостась самого Яхве, персонификация его благодати и присутствия (по аналогии с позднейшим еврейским понятием *Шехина*).

Какую бы интерпретацию мы ни выбрали, факт остается фактом: религиозная реальность на местах была гораздо более пластичной и сложной, чем жесткая рамка, которую позже попытается описать её книга Второзакония и как это транслируется сейчас.

2.3. Ископаемые в тексте: почему редакторы не удалили «неправильные» стихи?

Если поздние редакторы, собиравшие Ветхий Завет едино после Вавилонского плена, были убежденными, радикальными монотеистами, почему они не вычистили из текста

следы древнего многобожия? Почему в каноне остались стихи, которые откровенно противоречат идее «нет иного Бога, кроме Меня»?

Это один из самых захватывающих вопросов библейской текстологии. И ответ на него кроется в когнитивной лояльности и уважении к сакральной древности. Редакторы не могли просто вырвать страницы из священной традиции. Вместо этого они сохраняли старые тексты, переинтерпретируя их или встраивая в новый контекст, как архитектор, использующий колонны разрушенного языческого храма для строительства нового христианского собора.

Давайте рассмотрим еще три поразительных «ископаемых», сохранившихся прямо на страницах нашей Библии.

Ископаемое №1: Псалом 81 (в западной традиции — Пс 82). Откройте этот короткий псалом. В синодальном переводе он звучит так: *«Бог (Элохим) стал в сонме богов; среди богов произнес суд»*. В оригинале текст еще более радикален: *«Элохим стоит в совете Эля, среди элохимов он судит»*. Здесь Бог Израиля представлен не как единственный Творец во вселенной, а как один из членов божественного совета, председательствующий над другими, младшими богами. Поздняя традиция будет изо всех сил пытаться объяснить, что под «богами» здесь имеются в виду земные судьи или ангелы. Но лингвистический скелет выдает свою древность: это слепок эпохи, когда Яхве был главой пантеона, но не единственным его жителем.

Ископаемое №2: Дипломатия Иеффая (Судей 11:24)

Судья Иеффай ведет переговоры с аммонитянами о границах. И вот какой аргумент он приводит: *«Не владеешь ли ты тем, что дал тебе Хамос, бог твой? И мы владеем тем, что дал нам в наследие Господь, Бог наш»*. Иеффай не говорит. «Ваш Хамос — это кусок дерева, его не существует». Он говорит как человек древнего Ближнего Востока: *«У каждого народа свой божественный покровитель, который дал ему землю. Хамос дал землю вам, Яхве дал землю нам. Давай уважать границы»*. Это классическая генотеизм — признание существования других богов и их власти над другими народами, при условии абсолютной лояльности своему собственному Богу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.